

В.Парамонов

**РОССИЯ И КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-122-131

Отношения Российской Федерации и Китайской Народной Республики с государствами Центральной Азии¹ с момента распада СССР и обретения странами региона независимости насыщены событиями, в которых политика, экономика и безопасность тесно переплелись друг с другом. Вовлеченность РФ и КНР в проблемы региона имеет свою специфику, как и значение стран ЦА для России и Китая, как и готовность РФ и КНР к взаимной координации усилий.

В силу исторической общности и географического соседства, социально-культурной близости – что в первую очередь связано с длительным совместным пребыванием в рамках Российской империи и СССР – отношения между РФ и ЦА являются наиболее тесными во всех сферах. Безусловно, важно и то, что Россия сохраняет и стремится развивать с государствами региона целый ряд совместных интеграционных институтов – площадок для взаимодействия.

Среди них особо выделяются Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз (ранее – Таможенный союз) и Организация Договора о коллективной безопасности. При этом в силу пока не до конца растратченного советского наследия и определенных усилий, обусловленных в том числе углубившимся кризисом в отношениях с Западом, РФ оставляет за собой право быть главным внешним партнером для центральноазиатских стран.

В свою очередь, отношения между Китаем и регионом, хотя и уходят своими корнями гораздо глубже в прошлое, а в последние два десятилетия развиваются более динамично, чем российско-центральноазиатские отношения, имеют, однако, свою специфику, характеризуются наличием глубоких

¹ Под «Центральной Азией» понимается пространство в центральной части Евразии, куда сегодня входят пять государств – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, образовавшиеся в результате провозглашения независимости и распада СССР в 1991 году. В историческом контексте здесь и далее под «Центральной Азией» будут условно подразумеваться и те образования, которые находились в то время на территории современной Центральной Азии.

взаимных опасений и предубеждений. Во многом именно поэтому проникновение КНР в ЦА является достаточно осторожным, что в наибольшей мере проявляется в сферах политики и безопасности.

Значительно большую активность Китай демонстрирует в сфере экономики. Особенно это заметно в рамках инициатив «Экономический пояс Шелкового пути», «Один пояс, один путь» и связанных с этим экономических и иных проектов.² Учитывая такого рода экономическую активность, поддержанную значительными политико-дипломатическими усилиями Пекина, необходимо признать, что за последние годы КНР кардинально усилил свои позиции в ЦА.³

При этом Пекин пока еще старается координировать свою политику в регионе с Москвой, признавая за ней особую роль в ЦА, чем, кстати, во многом и объясняются многие китайские успехи и достижения. РФ же, по сути, продолжает поддерживать или, по крайней мере, сколько-нибудь активно не сдерживать процесс закрепления КНР в ЦА. В первую очередь это касается тех сфер, где интересы Китая не противоречат интересам России, а в каких-то случаях даже дополняют их, например, в сферах политики и безопасности, в контексте противодействия проникновению в регион радикального исламизма, ограничения влияния США и НАТО.

Очевидно и то, что взаимодействие КНР с РФ существенно облегчается наличием общего с четырьмя из пяти стран Центральной Азии (Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном) института – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). И хотя Туркменистан формально не является членом ШОС, тем не менее он де-факто также вовлечен в процессы взаимодействия со странами – членами этой Организации. Даже несмотря на то что после расширения и включения в ее состав Пакистана и Индии ШОС переживает крайне сложный этап своего развития, РФ, КНР и страны ЦА сумели сохранить особые, доверительные отношения в рамках Организации.

² Главную роль здесь играют транспортно-инфраструктурные проекты и планы по их реализации. Наиболее важным из таких проектов выступает проект строительства железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», хотя и медленно, но настойчиво продвигаемый всеми тремя странами. На этом фоне видно, что у России не было и нет такого рода крупных проектов.

³ Аналитически оценить это не представляется возможным в силу крайне малой изученности соответствующих процессов, устойчивой тенденции появления все более острого дефицита знаний по вопросам присутствия Китая в регионе во всех основных сферах – политике, экономике, в том числе энергетике, и безопасности.

Более того, даже несмотря на историческую неоднозначность самих российско-китайских отношений, некоторую тенденцию конкуренции двух стран за влияние в ЦА, успехи во взаимодействии России и Китая в регионе достаточно очевидны. Очевидна и устойчивость позиций здесь обеих держав, сохраняющаяся взаимодополняемость и все еще высокая готовность к координации усилий.

Тем не менее для того чтобы углубить научное и аналитико-прогнозное понимание характера современного и будущего места РФ и КНР в Центральной Азии, принципиальное значение имеет концептуально-схематичная оценка российского и китайского факторов в историческом контексте. Один из таких подходов предполагает рассмотрение присутствия и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии через призму двух исторических периодов:

- периода расцвета Великого шелкового пути (ВШП);
- периода заката Великого шелкового пути.

Период расцвета Великого шелкового пути

Данный период был наиболее длительным в истории отношений между Китаем и ЦА. Он начался примерно во II веке до нашей эры, когда формировалась трансевразийская система сухопутного торгового транзита, и продолжался около восемнадцати столетий, вплоть до конца XVI века. В свою очередь отношения между Россией и ЦА во времена Великого шелкового пути носили особый характер. С одной стороны, их следует рассматривать в качестве составной части европейско-центральноазиатских отношений, тем более, что географически российское государство (Русь) сформировалось в пределах Европы.

С другой стороны, отношения между Россией (Русью) и ЦА в течение примерно полутора веков (с середины XIII века до конца XIV века) находились под контролем Золотой Орды – евразийского «центра силы» того времени, влияние которого распространялось на значительные территории внутренней Евразии. В целом же, на всем временном промежутке периода ВШП китайское и российское присутствие в Центральной Азии носило в основном торгово-экономический характер, а вопросы политики и безопасности, хотя и имели важное значение, однако, были вторичны по сравнению с вопросами экономики.

В экономическом плане в период расцвета ВШП государственные образования, расположенные на территории современной ЦА, служили торгово-транспортным мостом между Европой и Азией, а сухопутный транзит был главным локомотивом экономического развития и научного прогресса региона, а также смежных внутренних пространств Евразии. При этом сле-

дует особо подчеркнуть, что в последние три с половиной столетия существования ВШП (с середины XIII века до конца XVI века) российско-центральноазиатские экономические отношения носили наиболее активный характер. Дело в том, что в этот период Золотая Орда фактически монополизировала сухопутный транзит, и торговые потоки из Китая в Европу проходили преимущественно по северному направлению ВШП: «Китай – Север Центрально-Азиатского региона – Россия (Русь) – Европа». Как представляется, именно это стало главным фактором более чем векового могущества Золотой Орды.

После краха Золотой Орды и возвышения империи Амира Темура (конец XIV – начало XV века) торговый транзит стал проходить преимущественно по южной части ЦА и далее – по регионам Среднего и Ближнего Востока, не затрагивая территорию России (Руси). Вследствие этого российско-центральноазиатские торгово-экономические связи в течение XV века несколько ослабли. Тем не менее вскоре они вновь стали активизироваться, особенно во второй половине XVI века в результате расширения и усиления российского государства во время правления Ивана Грозного (1547–1584).

В плане безопасности Великий шелковый путь был стержневым элементом евразийского взаимодействия, играл важную (если не ключевую) роль в формировании всей системы международных отношений, по крайней мере, во внутреннем пространстве Евразии. Именно вопросы обеспечения безопасности торговых коммуникаций были главным объединяющим фактором во взаимоотношениях государственных образований того времени, хотя эти взаимоотношения далеко не всегда были мирными и сопровождались переделом сфер влияния.

В результате на всем протяжении существования Великого шелкового пути так и не сформировалась устойчивая система безопасности трансевразийских торговых потоков. Вопросы безопасности, несмотря на достаточно активное международное сотрудничество, были самым слабым местом ВШП, что значительно снижало его эффективность. Практически всегда Великий шелковый путь был объектом ожесточенной борьбы за контроль над теми или иными его участками.

Определенным исключением можно считать лишь три кратких (по историческим меркам) периода, когда контроль над значительными объемами торговых потоков по ВШП осуществлялся из единого центра – во второй половине VI века н.э. Тюркским каганатом, во второй половине XIII века – первой половине XIV века – Золотой Ордой, в конце XIV века – империей Амира Темура. В остальное время различные участки евразийских транзитных коммуникаций контролировались более мелкими государственными образованиями (зачастую – небольшими феодальными княжествами), жестко конкурировавшими со своими соседями за территории и влияние. Хотя

их правителям в целом удавалось обеспечивать стабильность торговых потоков, тем не менее гарантировать высокий уровень безопасности коммуникаций на таких огромных расстояниях в эпоху феодальных междоусобных войн было невозможно. По этим причинам торговцы, как правило, лишь в редких случаях пересекали все пространство внутренней Евразии и предпочитали производить товарообмен в промежуточных пунктах.

При этом российско-центральноазиатско-китайское взаимодействие в условиях роста могущества Золотой Орды активизировалось. Во второй половине XIII века и первой половине XIV века эта империя контролировала большую часть внутренней Евразии и оказывала сильное влияние на Россию (Русь), Центральную Азию и Китай. Тем более, что в XIII–XIV веках в Поднебесной царствовала монгольская династия Юань, тесно связанная с Золотой Ордой.

В политическом плане китайское и российское присутствие в регионе, как и взаимное влияние Китая и ЦА, России (Руси) и ЦА друг на друга было минимальным, не способствовало их «геополитическому сращиванию». В качестве некоторого исключения можно рассматривать лишь два кратких, разделенных несколькими столетиями, временных промежутка, когда взаимное политическое влияние Китая и Центральной Азии, а также России (Руси) и Центральной Азии было достаточно велико.

Китай имел сильные позиции в ЦА в конце VII – начале VIII веков во время правления китайской династии Тан. В свою очередь политические отношения ЦА и России (Руси) были тесными в эпоху могущества Золотой Орды (конец XIII – начало XIV веков), армия и правящая элита которой состояла из представителей самых различных народностей внутренней Евразии, среди которых было немало выходцев из русских и центральноазиатских земель. Однако это не меняет общей картины крайней слабости политического взаимодействия России (Руси) и ЦА, Китая и ЦА в период существования ВШП.

В целом на всем протяжении Великого шелкового пути взаимодействие России (Руси) и Китая с Центральной Азией характеризовалось нестабильностью и было крайне неоднозначным по своей сути. С одной стороны, связи были органично «вплетены» в жесткую борьбу за контроль над различными сегментами сухопутных торговых коммуникаций. С другой стороны, правители Китая, Центральной Азии и России (Руси) прилагали максимум усилий для обеспечения безопасности самих торговых потоков.

Период заката Великого шелкового пути

Данный исторический период начался в конце XVI века и, по сути, продолжается до сих пор. Стремительное развитие морских транспортных

перевозок в эпоху Великих географических открытий (XVI век) привело к переориентации мировой торговли с сухопутных маршрутов на морские, вызвав тем самым тектонические сдвиги во всей системе международных отношений. Как в плане экономики, так и в плане политики и безопасности кардинально возросло значение морских коммуникаций и приморских территорий Евразии на путях следования торговых судов, а значение внутренних пространств кардинально уменьшилось.

И хотя в период XVII–XIX веков (по мере освоения приморских территорий в ходе колониальных кампаний того времени) значение внутренних пространств Евразии в определенном смысле также росло, однако с точки зрения экономики оно так и не приблизилось к значению приморских территорий. В итоге, уже на протяжении более четырех столетий сухопутный транзит между Европой и Азией находится в состоянии упадка, что еще в начале XVII века привело к фактической изоляции Центральной Азии в системе международных торгово-экономических и политических связей, в том числе с Россией и Китаем.

В экономическом плане вместе с закатом Великого шелкового пути и масштабным свертыванием сухопутных торговых отношений между Европой и Азией были в значительной степени прерваны транспортно-коммуникационные, производственные, научные и иные связи между Китаем и ЦА. Торгово-экономические связи между Россией и ЦА продолжали достаточно интенсивно развиваться до XVII века. Однако, начиная со второго десятилетия XVII века (после окончания «великой смуты» и прихода к власти династии Романовых) Россия практически полностью переориентировала свои экономические связи на Европу. В результате, ЦА примерно на два с половиной столетия (с начала XVII века до середины XIX века) оказалась фактически в состоянии экономико-географической изоляции не только от Китая, но и от России.

Однако во второй половине XIX века Центральная Азия частично преодолела состояние изоляции вследствие формирования единого российско-центральноазиатского экономического пространства в рамках Российской империи. В то время для зарождающейся российской буржуазии регион был безальтернативным местом приложения капитала и источником жизненно необходимого для развивающейся российской промышленности сырья. Это и побуждало правящие круги России предпринимать активные усилия по вовлечению региона в орбиту своего монопольного экономического влияния. В результате, экономическое присутствие России в ЦА стало стремительно нарастать, и к концу XIX века масштабы российско-центральноазиатского экономического взаимодействия стали примерно сопоставимы с масштабами взаимодействия между европейскими и азиатскими частями самой России.

В советскую эпоху Россия и Центральная Азия сосуществовали в рамках единого экономического комплекса, функционировавшего в условиях планово-централизованной системы управления. Подобного рода глубокая интеграция во многом и предопределила беспрецедентный в истории России и Центральной Азии экономический взлет. В то же время, экономические связи ЦА с Китаем вплоть до распада Советского Союза оставались на крайне низком уровне, а роль Центрально-Азиатского региона в качестве торгово-транспортного моста между Европой и Азией так и не была восстановлена.

В плане безопасности, по мере спада торговли вдоль Великого шелкового пути и постепенного погружения ЦА в состояние не только геоэкономической, но и геополитической изоляции, взаимодействие региона с Россией и Китаем в сфере безопасности неуклонно снижалось. Причем с Россией такое взаимодействие существенно сократилось уже в начале XVII века (одновременно с разрывом экономических связей), а с Китаем оно сворачивалось постепенно – китайско-центральноазиатская караванная торговля продолжалась до середины XVIII века, хотя ее масштабы и были незначительными по сравнению с периодом расцвета ВШП.

Более того, в условиях географической близости и, одновременно, кардинального снижения значимости экономической составляющей отношений закономерным стал пересмотр Китаем и ЦА ключевых принципов взаимодействия в сфере безопасности – в направлении все большего восприятия друг друга в качестве потенциальных противников и источников угроз.⁴

Во второй половине XIX века, по мере вхождения региона в состав Российской империи, российско-центральноазиатское взаимодействие в сфере безопасности стало быстро возрождаться, приобретая все более тесный характер. В эпоху сосуществования региона и России в рамках единых государственных образований (Российской империи и СССР), вопросы безопасности решались в рамках политики сначала России, а затем СССР. В определенной степени функцию гаранта региональной безопасности Россия выполняет и сегодня в рамках постсоветского пространства.

⁴ Особенно острые формы это приобрело со второй половины XVIII века – после включения в 1760 году Восточного Туркестана (современного Синьцзяна) в состав Китайской империи. В то время приграничное с Китаем Кокандское ханство особенно активно поддерживало сепаратистское движение уйгуров в соседнем Синьцзяне, что несло угрозу территориальной целостности Китая. Это вынудило Китай фактически свернуть отношения с ЦА, сосредоточившись на вопросах обеспечения безопасности своих западных рубежей, превратив их в форпост на «границе» с Центральной Азией.

В политическом плане, по мере свертывания связей ЦА с Россией, в китайско-центральноазиатских отношениях стала нарастать и политическая напряженность.⁵ Поэтому, в силу закономерного в этих условиях политического размежевания, регион ЦА сохранил за собой лишь «буферную» функцию во взаимодействии Китая с другими цивилизациями, государствами, нациями, культурами и конфессиями, однако практически полностью утратил посредническую роль. В результате, с середины 60-х годов XVIII века, после включения соседнего с Центральной Азией региона – Восточного Туркестана (части современного Синьцзяна) – в состав Китайской империи, китайско-центральноазиатские политические связи были практически свернуты.

Начиная со второй половины XIX века, когда Россия обратила серьезное внимание на восточный вектор своей внешнеполитической стратегии, значение российского фактора становится принципиальным для ЦА.⁶ Уже в 80-х годах XIX века Россия обеспечила себе гегемонию в ЦА. Китай в то время не оспаривал российскую роль в регионе, так как сам был ослаблен и обременен внутренними проблемами. В итоге, к концу XIX века Россия обладала статусом уже не только европейской, но и азиатской державы. В период же существования Российской империи, а затем – СССР все политические вопросы во взаимодействии Центральной Азии с Китаем стали предметом сначала российско-китайских, а затем и советско-европейских и советско-китайских отношений.

Выводы

Концептуально-схематичная оценка основных этапов развития Центральной Азии через призму исторического присутствия и взаимодействия в

⁵ Как представляется, это во многом связано с тем, что сильное влияние народов региона на национальное самоопределение уйгуров и других этносов, проживавших на западных окраинах Поднебесной, в корне противоречило геополитическим интересам Китая, вынуждая его предпринимать решительные действия по установлению контроля над приграничными с ЦА территориями, на которые распространялось китайское влияние.

⁶ Представляется, что основной причиной «поворота России на восток» стал сокрушительный провал экспансионистской политики, которую правящая элита Российской империи проводила по отношению к Европе после победы в наполеоновских войнах. Данная политика, в конечном счете, привела к экономическому истощению России и поражению в Крымской войне (1853–1856). Это в свою очередь вызвало системный кризис в стране, вынудив российскую элиту кардинально пересмотреть свою внешнюю стратегию, сделав основным ее элементом расширение империи на Восток. Причем нечто схожее наблюдается и в настоящее время в условиях обострения отношений России с Западом, ужесточения санкций со стороны США и ЕС.

регионе России и Китая позволяет сделать три принципиально важных вывода.

1. С исторической точки зрения именно интенсивное торгово-экономическое взаимодействие между Европой и Азией долгое время было главным локомотивом экономического развития внутренних пространств Евразии. По своей сути, сухопутный торговый транзит выступал в качестве системообразующего элемента формирования в центре Евразии более или менее действенных схем международного сотрудничества в сферах экономики, политики и безопасности.

С учетом этого, следует предположить, что без восстановления торгового транзита по трансевразийским сухопутным коммуникациям и развития многостороннего экономического взаимодействия России и Китая в центре Евразии не может быть и речи о выстраивании такой схемы межгосударственных отношений, которая стала бы гарантом комплексного и долгосрочного развития не только Центральной Азии, но и России, а в определенной степени – и Китая, особенно, его внутриконтинентальных пространств, всей внутренней Евразии в целом.

2. С точки зрения современности более чем вековое сосуществование России и ЦА в рамках единых государственных образований объективно делает историческое наследие российско-центральноазиатских отношений крайне значимым и весомым, в том числе по сравнению с наследием отношений региона с другими странами. И хотя с момента распада СССР геоэкономическая и геополитическая взаимозависимость России и ЦА заметно ослабла, тем не менее никакой другой внешней силе не удалось заполнить возникший в регионе геополитический и геоэкономический вакуум, создать эффективную систему безопасности в центре Евразии.

Поэтому, по крайней мере в среднесрочной перспективе, любое внешнее присутствие в регионе, в том числе китайское, как и отношения ЦА с другими странами, включая Китай, не могут быть концептуально оценены без учета российского контекста. В этой связи следует предположить, что успех или, наоборот, неуспех любых внешних усилий, в том числе китайских, в ЦА во многом напрямую связан с учетом или игнорированием принципиальной важности российского фактора в регионе.

3. С точки зрения будущего базовая формула прогресса и процветания Центральной Азии может быть найдена в восстановлении Великого шелкового пути и развитии Шанхайской организации сотрудничества – единственной структуры, объединяющей Россию, Китай и страны ЦА. Поэтому, помимо поддержки таких инициатив Китая, как «Один пояс, один путь», и укрепления ШОС, это требует выстраивания устойчивых каналов диалога и взаимодействия с интеграционными структурами постсоветского пространства, масштабной координации их усилий в плане освоения, разви-

тия и обороны конкретных сегментов Евразии, в первую очередь – центральноазиатского.

Магистральным направлением их деятельности должен быть именно научно-исследовательский аспект взаимодействия путем организации масштабной междисциплинарной работы. Только и именно через это направление можно приблизиться к решению все более сложного комплекса накопившихся и вновь возникших проблем как на пути развития ШОС, СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, так и по линии развития и взаимодействия всех стран-членов, в том числе РФ и КНР в ЦА.

В целом именно Россия и Китай пока остаются ключевыми внешними силами, поддерживающими процессы интеграции во внутренней Евразии и, следовательно, – идею восстановления Великого шелкового пути. Так, именно Россия на протяжении более полутора веков традиционно выступает своеобразным мостом (не только экономическим, но и политическим, а также культурным) между Европой и ЦА. В свою очередь Китай, форсируя свое проникновение в регион, во многом ориентирует собственную стратегию на такие же цели, на какие должна ориентироваться и Россия, – дальнейшее укрепление посреднической функции во взаимодействии между Азией и Европой.

В этой связи представляется, что именно вопросы реабилитации сухопутного торгового транзита между Европой и Азией – восстановления Великого шелкового пути – могли бы и должны стать основой для развития взаимовыгодных и неконфликтных отношений между РФ и КНР, как и повышения эффективности сотрудничества России и Китая со странами Центральной Азии в сферах экономики, политики, безопасности.

Однако все это представляется нереальным без системного научно-исследовательского обеспечения и сопровождения таких усилий, без двусторонних и многосторонних форматов взаимодействия и сотрудничества. Как представляется, решению данной базовой задачи Москве, Пекину и странам ЦА следовало бы уделять на порядок большее внимание в стремлении придать позитивный характер развитию конкретных сегментов Евразии.